

ТРИ ЭТАПА ЖИЗНИ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА РАН ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА КОРОЛЕВА

Родился в 1942 г. в г. Енисейске, выпускник МГИМО 1965 г., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук с 1994 г., советник РАН

Всю свою трудовую и научную деятельность после окончания Института я бы разделил на 3 этапа. Первый (1965-1969 гг.) – работа в Отделе цен Валютного управления Министерства внешней торговли СССР. Второй (1969-1975 гг.) – прикладные исследования во Всесоюзном научно-исследовательском конъюнктурном институте. Третий (с 1975 г. и по настоящее время) – фундаментальные исследования в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) Академии наук СССР (ныне – Российская академия наук).

Полученные в МГИМО знания сделали меня вполне готовым специалистом для работы в центральном аппарате Минвнешторга. И это неудивительно. В то время на факультете международных экономических отношений преподавали блестящие профессионалы, имевшие за плечами уникальный опыт. Профессор Николай Николаевич Любимов участвовал в качестве эксперта советского правительства в Генуэзской конференции по международным экономическим и финансовым вопросам. Профессор Фёдор Петрович Быстров входил в состав советской делегации в Бреттон-Вудсе, где были заложены основы послевоенной мировой валютно-финансовой системы. Василий Тихонович Кротков стал профессором ещё до революции. Размер очерка не позволяет поименно перечислить всех. Однако было бы непросительным не упомянуть доцента Андрея Николаевича Попова, вернувшегося после войны из эмиграции на Родину. Андрей Николаевич, внешне типичный английский джентльмен, много лет работал в британском банке в Шанхае, его лекции были крайне интересны и познавательны и, что особенно важно, основаны на его собственном практическом опыте.

В Министерстве внешней торговли сразу же участвовал в ответственной работе по корректировке цен в торговле со странами СЭВ. В то время цены во взаимной торговле стран СЭВ менялись каждые 5 лет на основе мировых цен с учётом транспортных расходов. Такая корректировка велась под руководством Владимира Сергеевича Алхимова – будущего председателя Госбанка СССР. Хотя согласованный принцип такой корректировки цен предполагал примерно «нулевой баланс» результатов для всех стран, но на самом деле страны стремились выторговать от нас всё, что можно и нельзя. В обход В.С. Алхимова руководство стран обращалось напря-

мую к А.Н. Косыгину и более сговорчивому Л.И. Брежневу и добивалось уступок, стоивших нашей стране десятки и сотни миллионов долларов. Такую тактику особенно часто применяли румыны, но не только они.

Понятно, мне не пришлось лично участвовать в переговорном процессе на столь высоком уровне. Но зато на стадии подготовки таких переговоров я получил доступ к конкретной и объективной информации о состоянии торгово-экономических связей между странами СЭВ, источникам информации о мировых ценах по большей части номенклатуры экспорта и импорта СССР, структуре и факторам формирования этих цен. Много узнал о реальных проблемах советской экономики того времени и влиянии (как позитивном, так и негативном) внешнеэкономических связей на ситуацию в стране. В этом плане работа в министерстве создала задел для будущей научной работы.

Переход на исследовательскую работу во ВНИКИ не вызвал энтузиазма моего непосредственного начальства. Аргументы тогдашнего руководителя Валютного управления Виктора Михайловича Иванова: «...Внешнеэкономическая наука – не физика, ты больше узнаешь на практической работе, а не в НИИ». Тем не менее, эти аргументы меня не убедили. ВНИКИ был создан А.И. Микояном в 1947 г. для изучения мировых товарных и финансовых рынков. Научные сотрудники Института осуществляли мониторинг ситуации в «своих» странах и на «своих» рынках в течение десятков лет и были признанными и авторитетными специалистами не только в нашей стране, но и за рубежом. Минвнешторг не жалел средств на приобретение для ВНИКИ всей доступной в то время экономической литературы. Эффективно действовала сеть корреспондентов в ведущих странах мира, направлявших в Институт дипломатической почтой ценную информацию. Работа во ВНИКИ приучила меня работать с первоисточниками, обрабатывать длинные статистические ряды и фиксировать на бумаге только то, в чём был абсолютно уверен. Я благодарен за эту науку моему начальнику – зав. отделом Великобритании Михаилу Григорьевичу Солодкину, моим коллегам О.К. Кротову и С.С. Дмитриеву. Ранее это был отдел Британской империи, поэтому его сотрудники занимались также Канадой и Австралией. Ещё раньше, в 1950-е годы, в отделе велись исследования по Индии и Южноафриканскому Союзу.

Ведомственная принадлежность ВНИКИ была как «плюсом», так и «минусом». Не случайно после ликвидации монополии внешней торговли спрос на исследования Института резко упал. Одной из причин этого было то, что корпорации (частные и государственные) обзавелись собственными аналитиками. Появились многочисленные независимые иссле-

довательские центры. Более мелкие компании, стремясь сэкономить на науке, предпочитали выходить на внешние рынки на авось.

Большая часть моей трудовой деятельности оказалась связана с Институтом мировой экономики и международных отношений. Институт был создан в 1956 г. (так же, как и ВНИКИ, по инициативе А.И. Микояна) с целью обеспечить руководство страны достоверной информацией, основанной на фундаментальных исследованиях в области экономики и политики, комплексном анализе текущей ситуации в мире. Позиции ИМЭМО до и после 1991 г. были совершенно различные. До распада СССР Институт, помимо фундаментальных исследований, готовил аналитические материалы для высшего руководства страны. Причём по самым различным вопросам – от зарубежного опыта ведения сельского хозяйства до проблем разоружения. В соответствии с тогдашней номенклатурной традицией директора Института были членами ЦК и депутатами Верховного Совета СССР. После 1991 г. Институт перестал быть привилегированным аналитическим центром, на какое-то время наступил некоторый спад в его работе.

Для меня работа в ИМЭМО стала самым плодотворным периодом в моей жизни как в карьерном, так и в научном плане – в 1978 г. я стал заведующим сектором, а в 1986 г. – заместителем директора. Мне посчастливилось работать под руководством выдающихся учёных и государственных деятелей – Николая Николаевича Иноземцева и Евгения Максимовича Примакова. Своим успехам обязан, в первую очередь, той творческой обстановке, которая сложилась и сохраняется в ИМЭМО, возможности свободно высказываться по самым острым вопросам, неоценимой помощи коллег. Особенно эта помощь была важна для меня, относительно молодого научного сотрудника, в первые годы работы в ИМЭМО. Не могу не вспомнить с чувством искренней благодарности Маргариту Матвеевну Максимову, Владлена Аркадьевича Мартынова, Павла Игнатьевича Хвойника, Ивана Дмитриевича Иванова, Бориса Моисеевича Болотина. Сейчас всегда могу рассчитывать на квалифицированные советы и экспертизу «старослужащих» – А.Я. Эльянова, Е.С. Хесина, В.С. Загашвили, Г.И. Мачавариани. Стимулы к работе, новый драйв дают молодые научные сотрудники – будущее Института. Особо отметил бы молодой коллектив Центра энергетических исследований и его руководителя С.В. Жукова. Центр (и с моим посильным участием) выполнил целый ряд интереснейших проектов по перспективам развития фондового рынка России и глобальной энергетики.

За годы работы в Институте опубликован ряд индивидуальных и коллективных монографий, подготовленных при моём непосредственном участии, включая получившие широкий резонанс монографии – «Международные валютные проблемы: экономика

и политика», «Сырьевой кризис современного капитализма», «Международные кредитные отношения» и др.

Одновременно активно участвовал в разработке конкретных рекомендаций по совершенствованию внешнеэкономических связей страны, повышению их отдачи для народного хозяйства. В советское время официальная доктрина делила мир на два лагеря и две системы хозяйства – мировое социалистическое и мировое капиталистическое. Такая концепция вместе с твердо устоявшимся понятием «общего кризиса капитализма» отражала старые автаркические идеи развития, приводила к искажённому позиционированию страны в мире и, как следствие, к ошибочным решениям.

Институт последовательно боролся с омертвевшими начётническими штампами и клише в оценках состояния и перспектив мирового развития. За такой подход Институт ценили не все. И, как следствие, далеко не все рекомендации Института принимались. Подробнее скажу лишь о том, чем занимался лично. Начиная ещё со второй половины 1970-х годов, в ИМЭМО было проведено несколько ситуационных анализов по вопросам присоединения страны к международным экономическим организациям – Международному валютному фонду, Мировому банку, ГАТТ (предшественник ВТО). Вступление СССР в МВФ и Мировой банк было тогда вполне реальным и не имело бы для страны значимых негативных последствий и неоправданных рисков. Сейчас это выглядит смешно, но тогда основной аргумент против – нам придётся раскрывать данные о золотовалютных резервах, добыче золота и др. На самом деле на Западе всё это было давно известно. Что касается ГАТТ, то СССР мог бы присоединиться к этой организации на гораздо более благоприятных условиях, чем это сделала Россия, вступив в ВТО. Централизованная система планирования и монополия внешней торговли не были тому препятствием. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что страны СЭВ – Куба и Чехословакия – не прекращали своё членство в этой организации. СССР начал переговоры о присоединении к ключевым международным организациям только накануне своего распада. При этом наша переговорная позиция была ослаблена рядом непродуманных, скороспелых решений.

Одно из них – отмена в 1988 г. монополии внешней торговли. Этот в принципе правильный шаг, дающий предприятиям прямой доступ к внешнему рынку, был проведён без необходимой подготовки. Фиксированные внутренние цены на нефть, металлы, удобрения, лес и другие сырьевые товары были во много раз ниже, чем мировые. На этой разнице ещё задолго до залоговых аукционов сделали себе состояние многочисленные долларовые миллионеры. Но

в результате никакого позитивного импульса советская экономика не получила. Более того, развернулась борьба за валюту между союзными республиками, что ускорило развал Советского Союза.

После понесённых кадровых и других потерь, связанных с развалом СССР, Институт сумел – во многом благодаря нынешнему директору академику А.А. Дынкину – полностью восстановить свои позиции в научном мире. В течение последних лет в международных опросах у ИМЭМО один из самых высоких рейтингов среди российских исследовательских центров и университетов. В 2012 г. – 3-е место среди ведущих научных центров Восточной и Центральной Европы. ИМЭМО – единственная российская организация в номинации «Ведущие мировые исследовательские центры по изучению проблем мирового развития».

В 1990-е гг. в моих исследованиях¹ обосновывалась необходимость форсированного налогового стимулирования производства для потребительского сектора (включая, естественно, производство продовольствия и строительство жилья) как необходимое условие восстановления управляемости экономикой и проведения стабильной экономической политики. Это дало бы толчок развитию мелкого и среднего бизнеса в российской провинции, способствовало бы так необходимой экономике децентрализации, что сняло бы многие социальные проблемы.

Естественно, возможными были и другие решения. Как говорил Нобелевский лауреат Василий Васильевич Леонтьев, «...экономист сродни официанту, который приносит политику как бы меню, возможные варианты действия. А политик накладывает эти варианты на реальные обстоятельства, которые известны только ему. И уже тогда принимает окончательное решение». К сожалению, как советские лидеры когда-то не прислушивались к рекомендациям экономистов, так и значительная часть нынешней политической элиты считает, что она и сама всё знает. И многое из того, что рождается на основе анализа мировой практики и нашей собственной жизни, формулируется и публикуется, пропадает впустую, более того, часто вызывает у неё только раздражение.

В 2000-е годы основное внимание уделял вопросам развития отечественного рынка, создания условий для формирования оптимальной международной специализации стран, снижения неоправданно высокой зависимости российской экономики от внешней конъюнктуры и рисков глобализации. Одним из первых в отечественной науке провёл отраслевой анализ проблем, связанных с вступлением России в ВТО. Выводы этой работы, опубликованной в начале 2001 г., актуальны и сейчас. Много занимался возможными по-

¹ В частности, в брошюре «Россия в глобальной экономике: проблемы самоопределения». Горбачёв-фонд, М., 1999

■ Золотой фонд МГИМО

следствиями для нас мирового финансово-экономического кризиса и вопросами антикризисной политики.

Наиболее значимой работой считаю фундаментальный междисциплинарный проект «Мировая экономика. Глобальные тенденции за 100 лет», в котором я был научным руководителем. Это исследование большого коллектива учёных базируется на уникальных расчётах Б.М. Болотина статистических рядов таких показателей, как объёмы и динамика ВВП, промышленное производство, занятость, производительность труда, отраслевая структура экономики за 1900-2000 гг. (в целом по миру и в разбивке по основным развитым и развивающимся странам). В центре исследования – менявшееся место России в секторах глобальной экономики: финансы, инновационная сфера, ТЭК, металлургия, машиностроение, сельское хозяйство, транспорт, военная экономика. Результаты работы нашли отражение в неоднократно переиздававшейся монографии.

В новое тысячелетие Россия вступила с экономическими показателями, значительно уступающими ведущим странам мира. Условия участия в международном разделении труда у современной России менее благоприятные, чем у дореволюционной. С распадом СССР страна оказалась отрезанной от основного партнёра – Европы. Были потеряны главные порты на Балтике и Чёрном море. Более разрушительными, чем территориальные утраты, оказались потери России за 100 лет в человеческом потенциале. Тяжёлые удары по генофонду нанесли Первая мировая и Великая Отечественная войны, революционный террор, Гражданская война, коллективизация, первая и последующие волны эмиграции. В результате Россия, в отличие от начала прошлого века, когда естественный прирост населения у неё был самым высоким среди развитых стран, сталкивается теперь с серьёзными демографическими проблемами, нехваткой рабочей силы. Особенно остро эти проблемы встали к востоку от Урала – в Сибири и на Дальнем Востоке, в своё время успешно заселявшихся переселенцами из центральных губерний России и Малороссии.

Серьёзный дестабилизирующий фактор современной России – громадная дифференциация в уровне жизни между регионами и внутри регионов. В дореволюционной России такие региональные различия были значительно менее выражены, но, главное, они работали на интеграцию страны, а не на её разъединение. Так, в начале XX в. уровень жизни в центральных губерниях – Тверской, Московской, Ярославской – был в среднем выше, чем в прибалтийских, а в Сибири (русское население) – выше, чем в Европейской части империи.

У дореволюционной России была естественная структура внешнеэкономических связей, доходы от которых более или менее равномерно распределялись по всей стране. Но главный фактор роста был внутренний рынок. Нынешняя относительно высокая доля внешнего рынка в российском ВВП – прямое следствие кризисного состояния и слабости внутреннего рынка. Развитие последнего – главное условие постепенного перехода от нынешней сырьевой к более эффективной международной специализации российской экономики.

Мировой опыт, проанализированный в работе по глобальным тенденциям XX века, показывает, что единого рецепта долговременного экономического успеха нет. Среди многих факторов, пожалуй, важнейшим для всех успешных стран была прагматичная экономическая политика, свободная от идеологических штампов и учитывающая не только сиюминутные проблемы, но и задачи на отдалённую перспективу. Такой прагматизм объединяет «новый курс» Т. Рузвельта в 30-е годы, когда произошло резкое усиление вмешательства государства в экономику, с политикой дерегулирования, проводимую М. Тэтчер в 70-е годы и Р. Рейганом – в 80-е. Сейчас во всех развитых странах на повестке дня вновь встал вопрос о повышении роли государства в экономике.

Ещё один вывод – нельзя рассчитывать на быстрый эффект от экономических реформ, даже тех, которые проводятся без ошибок и просчётов. У всех стран прорыв в хозяйственном развитии и качественный рост в XX веке опирался на многие годы системных преобразований в различных сферах общественной жизни. Так называемое «экономическое чудо» после Второй мировой войны в Германии и Японии было подготовлено в предшествующие десятилетия: в Германии – ещё при Бисмарке, в Японии – в период революции Мейдзи. При этом и в германских, и в японских реформах того времени упор делался на образовании и формировании правовой базы социально-экономического развития.

У современной России немало проблем, но и громадный потенциал. Главное, на мой взгляд, – обустройство страны, в том числе сельской местности, развитие инфраструктуры повседневной жизни в интересах большинства. Идеи великого русского мыслителя Александра Исаевича Солженицына, сформулированные в его работе «Как нам обустроить Россию», всё более актуальны. Если мы сможем их реализовать, то наши дети и внуки обеспечат России достойное место в мире.

Three Stages of Life of the Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences of Ivan Sergeevich Korolyov.